

С.В. Чубраков

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

Рассматриваются основные проблемы применения принуждения (негативных последствий) при обеспечении воплощения в жизнь уголовно-исполнительных предписаний. Выявляются пробелы в действующем уголовно-исполнительном законодательстве в части наличия правил поведения, не обеспеченных реальными санкциям, а также предлагается свое видение возможных негативных последствий, обеспечивающих уголовно-исполнительные предписания.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительное регулирование, обеспечение уголовно-исполнительных предписаний, меры ответственности, меры взыскания.*

Как известно из общих положений теории права, любые правила поведения, относящиеся к праву, обеспечиваются как средствами убеждения, так и средствами принуждения. Первые представляют собой различного рода меры, реализующие стимулы-поощрения, и не являются обязательными при правовом регулировании, имея по общему правилу рекомендательный характер. Вторые средства выступают в виде негативных последствий за добровольное невоплощение требуемого поведения и, в отличие от первых, являются обязательным элементом процесса правового регулирования.

При этом средства принуждения (при обеспечении реализации правовых предписаний) могут существовать в двух основных видах:

- в виде мер принудительной реализации требуемого поведения;
- в виде мер ответственности.

Правовой формой данных средств принуждения выступает соответствующее предписание-санкция, закрепляющая негативное последствие, которое в обязательном порядке должно обеспечивать предписание-диспозицию на случай добровольного невоплощения последнего в жизнь. Это требование вытекает прежде всего из такого свойства права, как государственная принудительность [1, с. 69–78, 84–97; 2, с. 57, 68, 73].

Полагаем, что имеются достаточные основания для констатации наличия у права и его частей (отраслей, правовых норм и т.д.) также и свойства взаимообеспечения. Оно проявляется, во-первых, в необходимом обеспечении одного правового предписания (диспозиции), закрепляющего конкретное правило поведения, другими предписаниями, которые на первоначальном (низшем) уровне будут условием его применения (гипотезой) и негативным последствием за его несоблюдение (санкцией в широком смысле слова). Во-вторых, в его одновременной способности обеспечивать другие предписания, выступая в иных отношениях при формировании разных видов правовых норм их гипотезой или санкцией. Указанное свойство правового предписания при проецировании на другое предписание трансформируется в системообразующее отношение (принцип) взаимообеспечения [3, с. 90, 92–93]. Так,

установить любое правило (модель) поведения в сфере исполнения мер уголовной ответственности с соблюдением отношений взаимообеспечения возможно лишь тогда, когда будет оговорено условие применения этого правила и последствие за его несоблюдение. Важно, что нахождение правовых предписаний в отношениях взаимообеспечения не ограничивается исключительно рамками уголовно-исполнительного права. Эти отношения гораздо шире и могут реализовываться в межотраслевом «пространстве» в разных вариантах.

Свойство взаимообеспеченности проявляется и на иных, высших уровнях взаимодействия правовых предписаний, когда не только отдельные предписания обеспечивают существование других, но и их группы, объединенные по заданным свойствам, взаимообеспечивают жизнь иных групп (например, уголовно-исполнительных норм и институтов).

При этом вопросы обеспечения правовых предписаний негативными последствиями вряд ли можно признать решенными, в том числе и в уголовно-исполнительном праве [4].

В частности, есть достаточно примеров, когда некие модели поведения, «претендующие» на наличие статуса уголовно-исполнительных правовых предписаний, не находятся в отношениях взаимообеспечения с иными предписаниями, в том числе оцениваемыми для них как предписания-санкции¹.

Это, например, предписания, возлагающие обязанности на осужденного к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 37 УИК РФ), или предписания, регламентирующие обязанности администраций организаций, использующих труд осужденных к обязательным и исправительным работам (ст.ст. 28 и 43 УИК РФ). Ни первые, ни вторые не обеспечены никакими иными реальными правилами, создающими негативные последствия за их несоблюдение, то есть не имеют предписаний-санкций.

¹ Причем проблема отсутствия негативных последствий проявляется, как минимум, в двух аспектах: как при отсутствии вообще каких-либо обеспечительных правил подобного вида, так и при их наличии, но формальном, например, когда ответственность виртуальна либо механизм принудительного воплощения – несущественным.

Также правовые предписания, закрепленные в ч. 1 ст. 29 УИК РФ и п.п. 55, 56 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20.05.2009 г. № 142, и претендующие на роль санкции (для иных правил, устанавливающих обязанности осужденных к обязательным работам), по факту с этой задачей не справляются, поскольку предусмотренные в них беседы и предупреждения не являются реальными негативными последствиями в виде ответственности. В итоге незлостное нарушение осужденным порядка и условий отбывания обязательных работ остается необеспеченным. Аналогичная ситуация складывается и с предписанием, находящимся, например, в п. 79 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20.05.2009 г. № 142, которое гласит, что, в случае увольнения осужденного к исправительным работам из организации по собственному желанию без соответствующего разрешения, инспекция направляет документы в органы прокуратуры.

В результате отсутствие отношений взаимообеспечения в части санкций можно констатировать в двух случаях: когда определенное правовое предписание, выступающее в роли диспозиции, не имеет санкции вообще, либо когда такая санкция имеется, но она формальная и не может справляться со своей задачей.

Наиболее явно проблема отношений взаимообеспечения при отсутствии реальных негативных последствий видна на примере закрепления в действующем УИК РФ ответственности за злостное уклонение от отбывания уголовных наказаний. Одним из серьезных минусов современного закона является то, что УК РФ и УИК РФ не используют идентичных подходов, предусматривая то незачет времени уклонения в срок наказания (например, при лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), то пропорциональную замену на иные наказания (например, при обязательных и исправительных работах), то замену иным более строгим наказанием без каких-либо четких условий (например, при штрафе), то вообще уголовную ответственность (например, при ограничении свободы, назначаемом как дополнительное наказание, а также при лишении свободы). Представляется, что во всех случаях злостного добровольного неисполнения со стороны осужденного приговора суда не должно быть никаких пропорций замены и т.п., а должны наступать реальные негативные последствия, как минимум, в виде ответственности, воплощаемой в ином более строгом наказании (как путем закрепления такого правила в Общей части УК РФ или УИК РФ, так и, при наличии к тому оснований, путем криминализации соответствующих случаев уклонения в Особенной части УК РФ). Полагаем, что лишь отбытая, исполненная часть первоначального наказания может пропор-

ционально пересчитываться для зачета ко вновь назначенному наказанию.

В случае с невиновным неисполнением ситуация иная, оно должно влечь другие последствия, в том числе допуская перерасчет одного наказания в другое с учетом заменяющих начал.

Основные вопросы обеспечения уголовно-исполнительных предписаний негативными последствиями (принуждением, санкциями) можно свести первоначально к следующим:

- какого рода могут быть эти негативные последствия;

- какими видами негативных последствий должны обеспечиваться уголовно-исполнительные правовые предписания.

Отвечая на первый вопрос, нужно учитывать, что в классическом виде, как отмечалось выше, эти негативные последствия могут быть двух видов:

- принуждение к воплощению в жизни правила поведения, закрепленного в предписании-диспозиции (принуждение к требуемому поведению);

- ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции.

Все это полностью применимо и в уголовно-исполнительном праве.

Отвечая на второй вопрос, следует выделить два условия, которые могут влиять на строение предписаний-санкций в уголовно-исполнительном праве:

- наличествует либо отсутствует возможность принудительной реализации модели поведения, закрепленной в предписании-диспозиции;

- то, чему посвящено содержание уголовно-исполнительного предписания-диспозиции: реализации карательных элементов наказания, специально предупредительных мер или исправительных мер.

В зависимости от содержания предписания-диспозиции и возможности ее принудительного воплощения строение предписания-санкции может предусматривать либо только обеспечительную модель-ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции, либо только обеспечительную модель-принуждение к воплощению предписания-диспозиции, либо и обеспечительную модель-принуждение, и обеспечительную модель-ответственность одновременно.

Если принудительная реализация первоначально предписанной модели в диспозиции отсутствует, то независимо от ее содержания предписание-санкция должна предусматривать обеспечительную модель-ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции.

Если взять вариант, когда принудительная реализация первоначально предписанной модели в диспозиции существует, то возникает, как минимум, два резонных вопроса:

- во всех ли случаях, когда имеется соответствующая возможность принудительной реализации, она должна использоваться;

- в каких ситуациях при закреплении в обеспечительной модели механизма принудительной реали-

зации основной модели будет отсутствовать потребность в установлении также ответственности за добровольное ее неисполнение.

По первому вопросу полагаем, что наличие возможности реализации в принудительном порядке основной модели (предусмотренной в ней обязанности, возложенной на одного из субъектов) должно влечь по общему правилу наличие механизма ее принудительного воплощения, то есть необходимость закрепления и реализации такой обеспечительной модели (модели-санкции). Это касается как правил (диспозиций), посвященных реализации карательных элементов наказания, так и правил, касающихся специально-предупредительных мер. Исключение составляют случаи, когда предписание-диспозиция касается регламентации применения некарательных исправительных мер. В этой ситуации принудительного воплощения быть не должно даже тогда, когда такая возможность есть, поскольку при нежелании осужденного реализовывать любые исправительные меры заставить его делать это фактически невозможно (это касается и труда, и воспитательной работы, и образования, и много другого).

Касаемо вопроса о том, в каких ситуациях при закреплении в обеспечительной модели механизма принудительной реализации основной модели будет отсутствовать потребность в установлении также ответственности за добровольное ее неисполнение, считаем, что наличие факта добровольного виновного неисполнения основной модели, закрепленной в диспозиции, должно всегда влечь реализацию модели-санкции, предусматривающей ответственность за это, независимо от того, касается основная модель регламентации карательных лишений, правоограничений наказания, специально-предупредительных мер или исправительных мер, особенно в тех случаях, когда возможность принудительной реализации этой основной модели отсутствует (иначе необходимые отношения взаимообеспечения не будут реализованы в такой ситуации вообще).

В случае если основная модель в диспозиции может быть принудительно реализована и соответствующее предписание-санкция, закрепляющее обеспечительную модель такого вида, существует (что предполагает и его реализацию), то вопрос о необходимости наличия наряду с этим предписания-санкции, устанавливающего ответственность за добровольное неисполнение основной модели, должен, по нашему мнению, также решаться положительно, причем независимо от того, регламентации чего посвящена основная модель: карательных лишений, правоограничений либо специально-предупредительных мер (поскольку, как отмечалось, исправительных мер подобного вида нет). Следует это из того, что в сфере исполнения мер уголовной ответственности любое правовое предписание, закрепляющее основную модель поведения в диспозиции, должно подкрепляться некими дополнительными негативными последствиями в виде лишений и правоограничений для утешения во избежание его

добровольного неисполнения, поскольку в силу наличия противоречий между интересами государства и осужденного последний, по общему правилу, нацелен на избежание как карательного воздействия, так и воздействия специально-предупредительными и исправительными мерами.

Если коротко, то негативные последствия (санкция) в виде ответственности должны быть, по нашему мнению, всегда, а негативные последствия (санкция) в виде принудительного воплощения требуемого поведения должны быть наряду с первыми только тогда, когда требуемое поведение в принципе может быть реализовано принудительно и когда оно не касается реализации исправительных мер.

Как отмечалось, обеспечительные модели-санкции двух разновидностей – устанавливающие ответственность и принуждающие к требуемому поведению – коррелируют двум вышеуказанным видам средств принуждения: мерам ответственности (например, замене одного наказания на другое, более строгое) и мерам принудительной реализации требуемого поведения (например, принудительному взысканию штрафа при назначении его как дополнительного наказания), то есть предписания-санкции выступают правовой формой данных средств принуждения.

При этом, если с принуждением к требуемому поведению каких-либо острых обсуждений нет, то вопрос о конкретных вариантах мер ответственности является активно дискутируемым в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной литературе, а также очевидно запутанным и, можно сказать, запущенным в действующем уголовно-исполнительном законодательстве.

Нет ясности, в частности, в том:

- где при обеспечении уголовно-исполнительных предписаний должно быть принуждение и в каком виде (уголовная, административная, уголовно-исполнительная или иная ответственность, должно ли это быть в виде мер взыскания или что-то иное);

- возможно ли изменение первоначально назначенных мер уголовной ответственности и каковы его пределы (в частности, определение критериев достижения поставленных перед уголовной ответственностью целей для оценки необходимости изменения объема карательно-воспитательного воздействия).

Следует также отметить, что обеспечивающие меры ответственности могут как влечь изменение вида первоначально назначенной меры уголовной ответственности (правда, это касается только такой его формы, как уголовное наказание), так и оставлять ее, порождая дополнительные лишения и правоограничения прав и свобод осужденного в ее рамках, в то время как обеспечивающие меры принудительного воплощения требуемого поведения всегда связаны с оставлением неизменной первоначально назначенной меры уголовной ответственности.

Как говорилось выше, обеспечивающие меры ответственности необходимы всегда (причем для

обеспечения реализации любых средств воздействия на осужденных), а обеспечивающие меры принудительного воплощения требуемого поведения необходимы только в тех случаях, когда это поведение способно быть принудительно воплощено, причем для обеспечения реализации только таких средств, как кара и специально-предупредительные меры.

К настоящему моменту законодателем не создано не только системы адекватных мер реакции на положительное либо отрицательное поведение осужденных в процессе применения к ним мер уголовной ответственности, а также соединяемых с ними исправительных мер и специально-предупредительных мер, но и понятных правил, по которым можно было бы определенные меры относить к «кнутому» или к «прянику», равно как и правил, объясняющих наличие либо отсутствие их при сопровождении отдельных мер уголовной ответственности. Это касается как мер ответственности, так и поощрительных мер, призванных стимулировать осужденного к требуемому поведению за счет предоставления дополнительных благ, социальных возможностей, сокращения применения кары, улучшения фактических условий отбывания наказания и т.п.

Средства принуждения в виде мер ответственности (которые могут быть представлены картельными мерами и специально-предупредительными мерами) и мер принудительного воплощения требуемого поведения являются предметным воплощением механизмов, заставляющих осужденного претерпевать оказываемое на него карательно-воспитательно-предупредительное воздействие теми средствами (карой, исправительными мерами и специально-предупредительными мерами), которые были определены государством как требуемые для достижения поставленных целей уголовной ответственности.

Принуждение к такому карательно-воспитательно-предупредительному воздействию (в рамках процесса, именуемого в литературе карательно-воспитательным [5, с. 16; 6, с. 90]) порождает целый ряд требований прежде всего к системе мер уголовной ответственности, в том числе выходящих за пределы уголовно-исполнительного регулирования.

В частности, наличие необходимости принуждения осужденного (в том числе путем его устрашения) к соблюдению основной модели поведения, закрепленной в предписании-диспозиции, требует в первую очередь выстраивания системы мер уголовной ответственности таким образом, который позволит по общему правилу заменять одни первоначально назначенные меры (менее репрессивные) в случае их неисполнения другими, более суровыми (жесткими).

Здесь возникает целый ряд вопросов, например, о возможности и целесообразности замены одних иных мер уголовно-правового характера другими в случае добровольной нереализации осужденными первых. Исходя из «узкого подхода» к пониманию иных мер уголовно-правового характера [7], отно-

сящего к их числу из существующих по действующему законодательству только таких мер, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ), отсрочка от отбывания наказания (ст. 82 и 82.1 УК РФ) и условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), а также с учетом того, что все эти три меры являются по своей природе определенными видами освобождения под некими условиями от отбывания наказания или его части, следует прийти к выводу о невозможности и нецелесообразности прямого обеспечения ими друг друга (то есть о запрете любых вариантов непосредственной взаимной замены). Так, очевидной представляется абсолютная невозможность прямой замены условного осуждения условно-досрочным освобождением (поскольку последнее применимо только после реального отбывания определенной части наказания), равно как нецелесообразно заменять условно-досрочное освобождение условным осуждением (поскольку и первое, и второе применяется при наличии оснований полагать, что для исправления осужденного реального отбывания наказания не требуется). Аналогичная ситуация с прямой заменой условного осуждения и условно-досрочного освобождения (при их отмене) такой мерой, как отсрочка от отбывания наказания, равно как и наоборот, поскольку фактически во всех случаях и основанием отмены, и основанием применения данных мер является прогноз суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, только в первой ситуации с негативным ответом, а во второй – с положительным. При этом вопрос об опосредованной замене, то есть о первоначальном назначении в результате нереализации иной меры уголовно-правового характера реального наказания с последующим решением вопроса о применении другой иной меры из числа перечисленных, является весьма неоднозначным. Более того, он фактически прямо не решен и в действующем законодательстве (хотя можно говорить, что по ряду ситуаций УК РФ этого не запрещает, а значит, разрешает). Еще раз оговоримся – выше мы рассматривали лишь случаи уклонения от реализации иных мер уголовно-правового характера.

В отношении такой формы реализации уголовной ответственности, как уголовное наказание, очевидна потребность выстраивания системы наказаний таким образом, который позволит по общему правилу заменять одни менее репрессивные наказания в случае их неисполнения другими, более строгими². Данная система должна подразумевать, как минимум, соотносимость наказаний (то есть возможность оценки одного наказания как менее или более строгого по отношению к другому, что достигается в том числе путем выстраивания их в «лест-

² Безусловно, при таком способе конец все же может быть (если последним по репрессивности наказанием не является смертная казнь, злостно уклонится от которой осужденному невозможно), но его можно преодолеть, в том числе увеличением срока (размера) «конечного» наказания более жесткими условиями его исполнения и т.д.

ницу» наказаний), адекватную оценку карательного потенциала каждого наказания в системе (то есть занятие определенным наказанием своего места в репрессивной шкале построенной «лестницы» наказаний), непересечение их содержания (то есть исключение ситуаций искусственного дублирования одних и тех же наказаний), а также отсутствие наложений репрессивного потенциала одних наказаний на потенциал других (то есть соблюдение правила, по которому любое наказание, стоящее в лестнице наказаний ниже другого и оцениваемое как менее строгое, даже в самом большом размере не должно быть жестче минимального размера более строгого наказания). О проблемах действующей системы наказания см., например, [8]. Существующий подход законодателя, в частности при закреплении последствий злостного уклонения от отбывания наказаний, не может быть признан правильным в том числе потому, что практически для каждого наказания эти правила замены (и сами негативные последствия, в частности, в виде заменяемых наказаний), по непонятным причинам, являются своими (то есть не выработано некоего общего алгоритма). Отдельной является проблема обеспечения исполнения, в том числе замены наказаний, назначенных в качестве дополнительных.

Все вышеприведенные требования касаются случаев применения обеспечительных мер ответственности, которые исчерпываются карательными элементами. Вместе с тем в рамках необходимости к принудительному исполнению таких средств воздействия, как кара, исправительные меры и специально-предупредительные меры (которые могут и составлять содержание назначенных мер уголовной ответственности, и соединяться с содержанием данных мер), не обойтись и без дополнительных мер, выходящих за рамки такого средства воздействия, как кара, но также представляющих собой негативные последствия за неисполнение правовых предписаний-диспозиций в виде принуждения к их исполнению (например, привод осужденного) либо в виде ответственности (например, дисциплинарный штраф при лишении свободы). Это связано с тем, что ресурсы самих карательных лишений и правоограничений весьма ограничены в части возможности обеспечения принудительного воздействия, в том числе и потому, что вовсе не всегда есть необходимость (например, при уклонении осужденного от явки для постановки на учет в уголовно-исполнительную инспекцию) и (или) возможность (например, при нарушении правил исполнения пожизненного лишения свободы) изменять первоначально назначенную меру уголовной ответственности другой, более строгой. Соответственно это влечет потребность существования и иных негативных последствий в виде мер, применяемых к осужденному за нарушение порядка отбывания назначенных мер уголовной ответственности, которые дополнительно ограничивают осужденного в правах и свободах в

рамках первоначальных мер (то есть без изменения их вида)³.

Как говорилось, подобные меры могут быть двух видов: принуждающие к определенному поведению или влекущие ответственность. Если же обратиться к действующему уголовно-исполнительному законодательству, то оно предусматривает в настоящее время иную классификацию, деля их на:

- меры взыскания;
- и все иные (иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности).

Причем по УИК РФ меры взыскания выделяются только для определенных видов наказаний (из действующих ныне – это ограничение свободы (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), лишение свободы (ст. 115 УИК РФ) и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 168 УИК РФ)), имея закрытый перечень, который, например, для лишения свободы уже неоднократно менялся в течение не столь долгой жизни действующего Кодекса. Меры взыскания должны быть всегда представлены в виде ответственности, то есть конкретных лишений, правоограничений, связанных с совершенным правонарушением (виновным добровольным неисполнением правового предписания-диспозиции, содержащего основную модель поведения), поскольку форма принуждения к несоблюденному поведению для них невозможна. Однако, если обратиться к тем видам, которые есть в современной редакции уголовно-исполнительного закона, то можно обнаружить, что это далеко не всегда так. В частности, среди мер взыскания законодатель предусматривает такие, которые, по сути, никаких реальных негативных последствий не влекут – это предупреждение, официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), выговор (ст.ст. 115 и 168 УИК РФ) и строгий выговор (ст. 168 УИК РФ). Хотя применение ряда из них может в дальнейшем повлечь негативные последствия (как, например, при ограничении свободы – при определенных условиях в соответствии со ст. 58 УИК РФ осужденный может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания с соответствующей заменой данного наказания либо с привлечением к уголовной ответственности). При этом применение подобных мер взыскания в любом случае только одно из условий наступления в дальнейшем реальных негативных последствий, чего, как нам представляется, быть не должно.

Иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности, не имеют какого-либо консолидирования и представляют

³ Здесь нельзя не учесть и того, что сами меры уголовной ответственности могут быть по репрессивному потенциалу весьма широкими (например, лишение свободы может отбываться как в колонии-поселении, так и в тюрьме), что позволяет активно «двигаться» и в их рамках.

собой разбросанные по УИК РФ отдельные негативные последствия для осужденных, уклоняющихся от карательно-воспитательно-предупредительного воздействия (например, случаи изменения количественного наполнения мер ответственности, случаи принудительного взыскания штрафа, случаи привода и т.д.). Они в отличие от первых мер взыскания могут быть, по мнению законодателя, и в виде мер, принуждающих к требуемому поведению, и в виде мер ответственности за это уклонение.

Если проанализировать ту ситуацию, которая ныне отражена в УИК РФ с отмеченными выше дополнительными обеспечительными мерами, не содержащими кары (карательных элементов) и не влекущими изменение вида первоначально назначенных мер ответственности, то следует прийти к выводу о полной неразработанности этого вопроса, поскольку нет ни понятия мер взыскания, ни общего названия и понятия иных мер, не являющихся мерами взыскания, ни четких признаков, отличающих первые от вторых, ни многого другого. В частности, абсолютно неясно, например, почему такие негативные последствия при исполнении лишения свободы, как изменение условий содержания либо изменение вида исправительного учреждения, не отнесены сейчас законом к мерам взыскания и чем, если не ими, они являются.

Представляется, что законодатель должен изменить существующий подход к указанным иным мерам, влекущим негативные последствия для осужденного за нарушение им правил отбывания назначенных мер уголовной ответственности и не относимым им к мерам взыскания. В частности, полагаем, что все негативные последствия, оформленные в виде мер ответственности, которые выходят за рамки средств воздействия в виде кары и не влекут изменения вида первоначально назначенных наказаний либо иных мер уголовно-правового характера, для всех видов реализации мер уголовной ответственности и соединяемых с ними исправительных мер и специально-предупредительных мер должны быть закреплены в качестве мер взыскания (за исключением тех мер, которые могут быть помещены, например, в КоАП РФ). Причем положения, регламентирующие их, можно вынести в Общую часть УИК РФ. Те же негативные последствия, которые имеют вид мер принудительного воплощения требуемого поведения, от которого осужденный уклоняется, должны быть поименованы иначе и также могут быть обобщены, например, в Общей части УИК РФ.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что если уйти от частных и остановиться на глобальных моментах, то наиболее сложным вопросом, по нашему мнению, является подбор в рамках обеспечительных средств принуждения конкретных видов мер ответственности, которые должны неизбежно следовать в случае уклонения лица от воздействия на него карой, исправительными мерами и специально-предупредительными мерами. Как говори-

лось ранее, этот вопрос не решен ни в теории, ни в действующем законодательстве, которое предусматривает среди них уголовную (ст. 313, ч. 1 и 2 ст. 314 УК РФ) и иную ответственность (в частности, замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности на иные меры взыскания, иные негативные последствия в виде лишений и правоограничений).

Полагаем, что нынешнее правовое регулирование законодателем обеспечительных мер ответственности является неверным, непоследовательным, запутанным и не отвечающим требованиям социальной обусловленности. По нашему мнению, правы те исследователи, которые предлагают эту систему видеть более гибкой, в том числе за счет расширения возможности применения мер уголовной ответственности, а также за счет включения в нее и мер административной ответственности. Иные обеспечительные меры ответственности, как нам видится, вполне могут быть рассмотрены в качестве мер уголовно-исполнительной ответственности и должны быть представлены:

- в виде замены первоначально назначенных мер уголовной ответственности на иные без дополнительного привлечения к уголовной ответственности (без соблюдения «заменяющих» начал);

- в виде мер взыскания, к которым должны быть отнесены все иные варианты дополнительных лишений и ограничений прав и свобод осужденного, без изменения первоначально назначенной меры уголовной ответственности, то есть выходящих за рамки средств воздействия в виде кары (в том числе дополнительные специально-предупредительные меры в виде дополнительных обязанностей для условно осужденных, увеличение первоначальных специально-предупредительных мер в виде продления испытательного срока, увеличение «объема» карательных элементов наказаний без изменения их качества в виде изменения вида условий содержания, вида режима исправительного учреждения и т.п.).

При этом те средства принуждения, которые представлены в виде мер принудительного воплощения требуемого поведения, должны быть, как отмечалось, обобщены от мер ответственности отдельно.

Таким образом, средства принуждения, относимые к уголовно-исполнительному регулированию (в части обеспечения соответствующих предписаний), как нам видится, должны составлять следующие группы мер:

- 1) меры принудительного воплощения требуемого поведения;

- 2) меры ответственности (которую можно именовать и уголовно-исполнительной), включающие в себя:

- замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности на иные (без дополнительного привлечения к уголовной ответственности);

- меры взыскания (относя к ним все случаи применения в качестве ответственности дополнитель-

ных лишений и ограничений прав и свобод осужденного, без изменения первоначально назначенной меры уголовной ответственности).

Причем наряду с указанными выше мерами ответственности (уголовно-исполнительной) надлежащее поведение осужденных целесообразно в необходимых случаях обеспечивать и за счет мер уголовной, а также административной [9] ответственности (что уже, конечно, будет шире границ уголовно-исполнительного регулирования).

Вопрос о том, какой конкретно должна быть эта ответственность (либо влечь увеличение первоначально назначенной меры без изменения ее вида, либо влечь замену одной меры на другую, более строгую, либо влечь иные негативные последствия), весьма непрост и требует отдельного пристального внимания. Однако общее правило – это обеспечение требуемого (основной моделью-диспозицией) поведения более строгой санкцией лишь при невозможности обеспечения его менее строгой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 452 с.
2. О понимании советского права. Круглый стол // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–74.
3. Чубраков С.В. Общая системная характеристика уголовно-исполнительного права в свете проблемы выявления его принципов // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6) С. 89–94.
4. Антонов Т.Г. Непреступное уголовно-противоправное поведение осужденных и его юридические последствия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 23 с.
5. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. 64 с.
6. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 190 с.
7. Уткин В.А. «Иные меры уголовно-правового характера» и предмет уголовно-исполнительного права // Проблемы и перспективы современной системы мер уголовной ответственности. Томск: ДиВо, 2008. С. 24–28.
8. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349 С. 127–130.
9. Уткин В.А. О юридических средствах принудительной реализации некоторых альтернативных санкций // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 11: Сб. статей / под ред. В.Д. Филимонова. Томск, 2002. С. 126–129.

ON THE ENFORCEMENT OF PENAL ORDERS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 97–104. DOI 10.17223/23088451/8/15
Sergey V. Chubakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chubakov@mail.ru

Keywords: penal regulation, penal orders enforcement, responsibility measures, sanctions.

The problem of enforcing rules of conduct relating to law by means of coercion (negative consequences, sanctions) is very relevant and controversial today, including the sphere of penal law. The analysis of the current penal legislation shows a significant number of cases when penal orders are not provided for with real sanctions. The article attempts to identify and analyse two main types of means of coercion while ensuring the implementation of legal orders: measures to enforce the required conduct and measures of responsibility. In particular, cases are established when the relevant rules of conduct for serving a sentence should be provided for only by measures of responsibility, and when by additional measures of the required conduct enforcement. The author also discusses issues actively debated in the literature concerning where to use coercion in penal orders enforcement, and in what form (criminal, administrative, penal or other responsibility, sanctions, or other). In addition, the possibility and limits of changes in original measures of criminal responsibility (including the possibility to change a measure of criminal responsibility in case the convict evades to implement it for another measure) are assessed. The author offers his vision of means of coercion (as mechanisms to ensure relevant regulations) that refer to penal regulation in the form of the following groups of measures: 1) measures to enforce the required conduct; 2) responsibility measures (which can be referred to as penal) which include: change of original measures of criminal responsibility for others (without additional prosecution); sanctions (all cases of additional deprivations and restrictions on the rights and freedoms of the convict, without changing the original measure of criminal responsibility). It is also noted that, along with the above-mentioned measures of penal responsibility, it is expedient to ensure the proper conduct of convicts, if necessary, by measures of criminal and administrative responsibility.

REFERENCES

1. Leyst, O.E. (2008) *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow: Zertsalo.
2. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. (1979) O ponimaniy sovetskogo prava. Kruglyy stol [On the understanding of Soviet law. Round table]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7 pp. 56–74.
3. Chubakov, S.V. (2015) General system characteristic of the penal law in terms of its principles. *Ugolovnaya Yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (6). pp. 89–94. (In Russian).
4. Antonov, T.G. (2010) *Neprestupnoye ugovolno-protivopravnoye povedenie osuzhdennykh i ego yuridicheskie posledstviya* [Unrestricted criminal and unlawful behaviour of convicts and its legal consequences]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
5. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of deprivation of liberty and re-education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

6. Natashev, A.E. & Struchkov, N.A. (1967) *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of corrective labour law]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Utkin, V.A. (2008) «Inye меры уголовно-правового характера» i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava [“Other measures of a criminal legal nature” and the subject of the penal law]. In: Kuznetsov, S.S. (ed.) *Problemy i perspektivy sovremennoy sistemy мер уголовной ответственности* [Problems and perspectives of the modern system of criminal liability measures]. Tomsk: DiVo.
8. Utkin, V.A. (2011) Grounds and ways of the system of punishment modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 127–130. (In Russian).
9. Utkin, V.A. (2002) O yuridicheskikh sredstvakh prinuditel'noy realizatsii nekotorykh al'ternativnykh sanktsiy [On legal means of forced implementation of some alternative sanctions]. In: Filimonov, V.D. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Vol. 11. Tomsk: Tomsk State University.